

УДК 82-94
ББК 63.3(0)53
О13

Об авторе

Публикуется по изданию:

Оберучев К. М. В дни революции: Воспоминания участника великой русской революции 1917 года. Нью-Йорк, 1919;
Офицеры в русской революции. Б.м, Б.г.; Советы и советская власть в России. Нью-Йорк, 1919.

Оберучев, Константин Михайлович

О13 В дни революции: Воспоминания участника великой русской революции 1917 года; Офицеры в русской революции; Советы и советская власть в России / Предисл. и примеч. С. И. Дробязко. — М.: Кучково поле, 2017. — 320 с. — (Библиотека русской революции)

ISBN 978-5-9950-0761-6

К. М. Оберучев — представитель той небольшой части корпуса Русской императорской армии, которая связала свою жизнь с революционным движением. Его записки, созданные «по горячим следам» — обстоятельные и ценные воспоминания, в которых автор дал яркую оценку событиям, происходившим на его глазах, только того, свидетелем или участником чего он был сам.

УДК 82-94
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-9950-0761-6

© ООО «Кучково поле», 2017

Автор публикуемых воспоминаний — Константин Михайлович Оберучев (1864–1929) был представителем небольшой части офицерского корпуса Русской императорской армии, которая связала свою жизнь с революционным движением, искренне веря, что освобождение народа от отживших институтов самодержавного строя является той целью, которой должен посвятить свою жизнь каждый честный человек. Во время обучения в Михайловской военной артиллерийской академии связанный с народниками Оберучев вместе со своими единомышленниками пытался возродить военную организацию «Народная воля», что привело его в 1889 году к заключению на полгода в Петропавловскую крепость.

После освобождения Оберучев был направлен для дальнейшего прохождения службы в Туркестан, откуда он вернулся незадолго до начала Первой русской революции 1905–1907 годов, получив должность на Киевском артиллерийском полигоне. Примерно в это же время он примкнул к партии социалистов-революционеров, сыграв определенную роль в революционных событиях в Киеве, за что был снова выслан в Туркестан. В 1907 году Константин Михайлович вышел в отставку в чине полковника,

проживал в Киеве, занимаясь публицистикой и общественной деятельностью. В частности, он принимал участие в кооперативном движении, был делегатом II кооперативного съезда в Киеве.

Полиция не оставляла Оберучева своим вниманием, и в 1910 году он был привлечен к суду за причастность к волнениям в частях киевского гарнизона в 1904 году, но оправдан военным судом. Однако в 1913 году Оберучев был арестован в Петербурге, куда приехал в поисках работы, и министр внутренних дел Н. А. Маклаков принял решение о ссылке его в административном порядке в Олонецкую губернию. Ссылка была заменена высылкой на три года за границу. В 1914–1916 годах Оберучев проживал в Швейцарии и США, сотрудничая с различными общественными организациями, занимавшимися во время Первой мировой войны организацией помощи русским военнопленным, занимал должность 1-го секретаря Центрального комитета помощи российским гражданам, застигнутым войной за границей. Его обращение к российским властям с предложением предоставить себя в распоряжение армии (в связи с начавшейся войной) было оставлено без ответа.

Незадолго до начала Февральской революции срок высылки Оберучева закончился, и в январе 1917 года через Атлантику и Скандинавию он вернулся в Россию. По прибытии в Киев Константин Михайлович был арестован, однако после Февральской революции освобожден, и Исполком совета общественных организаций избрал его военным комиссаром Киевского военного округа. В мае, по представлению Верховного Главнокомандующего генерала А. А. Брусилова, он был избран на ответственный пост командующего войсками Киевского военного округа,

на котором ему пришлось пережить драматичные события лета 1917 года: неудачное наступление Юго-Западного фронта, июльский политический кризис и выступление нового Верховного Главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова против Временного правительства, сопровождавшиеся разложением армии и радикализацией народных масс под влиянием большевистской пропаганды.

В конце сентября, вследствие разногласия с представителями Украинской Центральной Рады в вопросе «украинизации» армии, Оберучев добился увольнения от должности и уехал в Петроград. Здесь Советом крестьянских депутатов он был избран представителем России на международную конференцию об обмене пленными в Копенгагене и уехал в Скандинавию, где его и застал большевистский переворот. Находясь после завершения конференции в Швеции, Константин Михайлович, что называется, «по горячим следам» написал свои весьма обстоятельные и ценные воспоминания о Революции, в которых дал оценку событиям, происходившим на его глазах.

Не приняв узурпации власти большевиками, Оберучев, произведенный Временным правительством в чин генерал-майора, отказался возвращаться в Россию, несмотря на сделанное ему предложение Советом народных комиссаров занять пост в военном ведомстве. Не принял он участия и в Белом движении, очевидно, не считая возможным для себя становиться в ряды контрреволюции. В 1918 году Оберучев уехал в США, где еще в период своей высылки успел обзавестись хорошими связями. Проживая в Нью-Йорке, Константин Михайлович являлся председателем Фонда помощи русским писателям и ученым, был одним из основателей и преподавателей

любезны, передайте ему распоряжение, чтобы меня немедленно освободили.

— Хорошо, я распоряжусь, — сказал генерал Ходорович и направился вместе со мной из кабинета.

Он отдал комендантскому адъютанту распоряжение о немедленном моем освобождении, и мы расстались, любезно попрощавшись.

Через четверть часа мы были уже на гауптвахте, и толпа сидельцев гудела, приветствуя мое освобождение, в котором они не сомневались.

Собрав вещи и попрощавшись с товарищами по заключению и пожелав им тоже скорейшего выхода, я отправился в канцелярию штаба для совершения некоторых формальностей.

И здесь случилось то, что дает мне радость и счастье на всю жизнь, чтобы со мной не произошло и какие бы испытания не пришлось претерпеть!

Когда я сидел в канцелярии, один из писарей, воспользовавшись отсутствием офицера, подошел ко мне и тихо, шепотом говорить:

— Ваше высокоблагородие. Сегодня должны будут казнить двух человек, — одного солдата, сидящего в крепости, а другого вольного, сидящего в Лукьяновской тюрьме. Уже пошли рабочие готовить виселицу и могилы для них. Сегодня ночью будет казнь.

— Не может быть, не должно быть, чтобы в радостный светлый день российской революции, когда над печальной родиной моей встает заря свободы, не может быть, чтобы кто-нибудь был казнен! Не может радость нашей теперешней жизни быть омрачена казнью, — подумал я и, совершенно не интересуясь, за что они приговорены к смерти, спросил фамилии осужденных, долженствовавших сегодня принять смерть.

Фамилию солдата он знал и сказал мне; фамилию штатского он не знал.

Освобожденный, я прежде всего направился к моим друзьям сказать, чтобы они пошли к командующему войсками и попросили его отменить казнь.

Они немедленно это сделали; генерал Ходорович без колебаний согласился отменить казнь, и день моего освобождения на заре русской свободы ознаменовался сохранением жизней двум приговоренным.

Я видался потом с ними при посещении мест заключения. И надо было видеть то счастье, которое сияло в их глазах, благодаря сохранению жизни, чего они никак не ожидали.

Я пришел домой в радостные объятия ожидавшей меня семьи, а в тот же день вечером мне сообщили, что я избран в Исполнительный комитет Совета общественных организаций, который явился новой революционной властью в Киеве.

Так начались дни моей новой свободной жизни.

IV

Военный комиссар в Киеве

На следующее утро было заседание Исполнительного комитета.

Я пошел на него.

Исполнительный комитет, явившийся новой революционной властью в Киеве, сконструировался таким образом.

Представители целого ряда общественных организаций, работавших в Киеве, как-то: Союз Городов,

Союз Земств, кооперативы и др. — равным образом, представители политических партий, а также национальных организаций — все они составили Совет общественных организаций, который и избрал Исполнительный комитет из среды так или иначе известных в Киеве общественных деятелей.

На первом же заседании Исполнительного комитета, еще до моего освобождения, я был избран военным комиссаром города Киева и теперь требовалось только мое согласие, каковое мною и было дано.

Исполнительный комитет, новый орган власти — и таковым он был признан Временным правительством вскоре после своего сконструирования — не имел своего помещения, и Киевская городская дума приютила его.

Таким образом, вся политическая жизнь Киева сконцентрировалась в Думе.

Сюда приходили представители разных общественных организаций, правительственных учреждений, рабочие, солдаты, офицеры, кто так или иначе интересовался новой жизнью и ее органами. Приходили засвидетельствовать свою преданность новому строю и верность началам свободы, приходили просить указаний, что делать, как держать себя в тех или иных случаях.

Приезжали многие из провинции просто спросить указаний, как сконструировать власть, так как существующая власть растерялась и не знает, что ей делать, что можно и чего нельзя.

Быстро Киев стал центром всего района, сюда стекались сведения с разных сторон и давались директивы.

Одновременно с Исполнительным комитетом общественных организаций сконструировался в Киеве Совет рабочих депутатов.

Киев — город, в котором довольно много фабрично-заводских предприятий, и рабочее население его исчисляется тысячами. Понятно, что в нем должен был организоваться свой Совет и Исполнительный комитет. Само собою разумеется, что от Совета рабочих депутатов необходимо было избрать членов в общегородской Исполнительный комитет, повторяю, уже признанный в то время органом революционной правительственной власти.

Явился вопрос о пополнении Исполнительного комитета представителями гарнизона, офицерами и солдатами.

Вопрос весьма важный. Необходимость пополнения исполнительного органа представителями гарнизона была ясна для всех. Но это пополнение могло состояться двумя путями. Или представители войск будут выбраны на явочных митингах, путем избрания случайных людей, оказавшихся на митинге, или же их можно избрать путем двухстепенных выборов: на собрании представителей войсковых частей, избранных тоже на своих полковых собраниях.

В первом случае в члены комитета могли попасть случайные люди, совершенно не выражающие ни воли, ни мнений гарнизона, во втором, при планомерно проведенных выборах, возможно получить действительное представительство всего гарнизона.

Ясно, что Исполнительный комитет должен был остановиться на втором пути, тем более, что попытки организовать явочные военные митинги для выборов на них представителей в Исполнительный комитет уже были.

Президиум Исполнительного комитета решил вместе со мной, военным комиссаром, поехать к командующему войсками для переговоров по этому поводу.

Назначен был определенный час для поездки к генералу Ходоровичу.

А тем временем я решил отправиться к генералу Ходоровичу как военный комиссар.

Ровно через сутки после первого визита и нашего первого знакомства я вхожу в тот кабинет, где вчера состоялась первая встреча и беседа по текущему моменту со мной, тогда еще арестованным.

Я представился генералу и обратился к нему с предложением дать мне разрешение на посещение казарм для ознакомления солдат и офицеров с текущим моментом и выяснения его значения для народа и армии.

— Вы разрешите, Ваше превосходительство, мне посетить казармы? Ведь многие в тумане. Не знают, что делать, как отнестись к текущим событиям. Наши офицеры, в огромном большинстве, стоят в стороне от политики и рискуют оказаться не в состоянии ответить на многие вопросы, которые, несомненно, сыпятся на них сейчас со стороны солдат. И выйдет осложнение, произойдет недовольство. Нужно помочь и той, и другой стороне, — так говорил я.

Я смотрел на свою должность военного комиссара не как [на] власть, от которой зависит решение тех или иных вопросов, а лишь как на буфер, который должен смягчать взаимные удары, которые могут посыпаться со стороны солдат на офицеров и иногда со стороны этих последних на солдат. И вот почему мне хотелось немедленно же войти в гущу войсковой жизни, чтобы предупредить возможные печальные последствия.

Генерал Ходорович не понял меня и отказал мне в разрешении посещать казармы для бесед.

Я вполне понимаю его.

Человек еще вчера видел во мне государственного преступника, которого департамент полиции, как

опасного, решил отправить в далекую Сибирь. Еще вчера говорил он мне, что аттестация, данная мне департаментом полиции, весьма нелестна, и получил от меня ответ, что я, со своей стороны, не могу лестно отозваться о департаменте полиции. Еще вчера он колебался, прежде чем решиться отпустить меня на свободу, и только, учтя возможность насильственного освобождения, решил взять на себя риск выпуска меня на волю. Еще вчера я был аттестован как самый «опасный государственный преступник», о котором в присланном ему документе полицейского творчества, после ряда указаний на «явно преступную деятельность», сказано, что «нет оснований ожидать, чтобы полковник Оберучев изменил свои убеждения» после трехлетнего пребывания вне родины. Еще вчера все это было, а сегодня перед ним стоит этот «преступный» тип и настаивает на разрешении пойти ему в казармы и по душам поговорить с солдатами и офицерами.

Ясно, что тут что-то неладное и, быть может, опасное для порядка, за который он отвечает.

И генерал Ходорович не решился дать мне требуемое разрешение.

Я его понимаю, и ни одной минуты не могу осудить его за этот невольный страх.

Едва успели кончить с ним беседу, как пришли представители Исполнительного комитета — члены президиума — товарищ городского головы Н. Ф. Страдомский, председатель, и два товарища председателя, присяжный поверенный Григорович-Барский и рабочий Доротов.

Я присоединился к ним, и мы повели речь о необходимости приказом по округу назначить выборы представителей от солдат и офицеров полков, расположенных в Киеве, и затем собрать этих представи-

телей для выборов из их среды двух офицеров и двух солдат в члены Исполнительного комитета.

Долго ломали мы копья. Долго доказывали, что так будет лучше, что в противном случае дело пойдет захватным порядком, и пройдут митинговые случайные люди.

Он не рещался. Он обещал запросить главнокомандующего Юго-Западным фронтом, генерала Брусилова, и тогда дать ответ.

Но время не ждет. События развиваются, начинаются летучие митинги, собрания случайных людей, и к нам уже приходят офицеры и солдаты, избранные на митингах в качестве делегатов от гарнизона для вступления в члены нашего Исполнительного комитета.

Настойчивые указания наши убедили, наконец, генерала Ходоровича, и он решился отдать приказ о выборах.

Через несколько дней уже состоялись выборы, и мы имели законных, легально выбранных в члены Исполнительного комитета представителей гарнизона: двух офицеров и двух солдат.

Так постепенно пополнялся наш Исполнительный комитет.

Я сказал, что в Исполнительный комитет и ко мне, как военному комиссару, являлись разные лица. Многие приходили с предложением своих услуг.

Помню как-то пришел ко мне молодой офицер, жгучий брюнет, живой, подвижный, горячий. Он летчик, и предлагает свои услуги, в случае, если для какой-нибудь надобности потребуется вооруженная сила. Он со своими солдатами готов на бронированном автомобиле поддержать новую власть. Сколько жизни и энергии, и веры в новые устои жизни было в этом молодом офицере!

Его услугами не раз пользовался Исполнительный комитет, когда были трудные поручения в провинции. Пусть он иногда горячился и, пожалуй, делал ошибки; но его горячая вера говорила о том, что он искренно предан революции и готов все отдать за нее.

И он отдал все: отдал свою жизнь.

Это было уже позже. Я был тогда командующим войсками. Он пришел ко мне встревоженный, задумчивый.

На фронте, благодаря большевистской агитации, а частью и вследствие ряда других причин, началось разложение. Участились случаи отказа выполнять боевые приказания, ухода частей в тыл и т. п.

И вот этот полный энергии и любви к родине молодой офицер приходит ко мне и говорит:

«Я хочу на фронт. Я не могу оставаться здесь. Там страдает дело защиты страны, а вместе с ней и революции. Помогите мне поехать на фронт».

Я понял его. Я охотно помог уехать ему на фронт и дал записку к Керенскому, который тогда был на Западном фронте, с рекомендацией этого офицера-энтузиаста. Мы горячо расцеловались, и я отправил его, пожелав успеха и удачи. И его использовали немедленно. Его послали комиссаром в армию, и там горячо призывал он войска сражаться и не поддаваться соблазну кажущегося покоя.

Но недолго пришлось ему поработать на фронте.

Во время одной из бесед и увещания полка, отказавшегося идти на окопы, солдатская пуля сразила его, и кончились дни жизни молодого революционера, смертью своей запечатлевшего свою любовь к родине и свободе.

И когда вспоминаю я торжественные похороны, которые устроила поручику Романенко революционная демократия города Киева, знавшая и любив-

шая его, невольно слезы подступают к глазам, и уста шепчут:

— Мир праху твоему, дорогой товарищ!

Когда я оглядываюсь на прошлое и вспоминаю бурный период революционных переживаний, я проникаюсь глубокой благодарностью к старому царскому правительству России за то, что перед самой революцией оно выслало меня за пределы России.

Дело в том, что старый порядок управления моей родиной, основанный на силе и власти полиции и усмотрения жандармско-полицейских властей, приучил нас, россиян, к произволу власти.

Наша внутренняя жизнь складывалась так, что каждый гражданин, именовавшийся до настоящего времени просто обывателем, мог быть схвачен и посажен в тюрьму без предъявления ему какого-либо обвинения и без совершения им преступления. Он мог быть сослан в далекие тундры Сибири без суда и следствия по произволу и приказу представителей административной власти.

И эта форма управления так глубоко проникла в толщу нашей жизни, что во всяком российском гражданине — подоплека жандармская и очень много жандармских устремлений. И когда россиянин оказывается у власти, у него невольно рождается мысль о том, кого нужно арестовать или выслать; и объясняется, конечно, это по-старому тем, что делается это насилие над гражданином инакомыслящим во имя общего блага.

То обстоятельство, что до революции я пробыл три года в свободных странах, Швейцарии и Соединенных Штатах, и никогда за последние три года не видал на себе применения жандармско-полицейских методов борьбы в области политики, привело к тому, что из моего нутра совершенно исчез жандарм, и, как

это ни странно, мне решительно никого не хотелось арестовать, а в особенности в порядке административного произвола, без предъявления каких бы то ни было конкретных обвинений, без каких бы то ни было улик.

В Исполнительном комитете с первых же дней сконструирования его поднимались вопросы об аресте тех или иных категорий лиц или отдельных начальников.

Прежде всего, конечно, взоры моих товарищей по Исполнительному комитету обратились на полицию и жандармов.

Много споров было об отношении к полиции. Конечно, было предложено ее расформировать.

Признаюсь, я был сторонником противного. Мне казалось, что не следовало расформировать полицию без опасности, так как она с успехом могла исполнять свои полицейские функции. Дело это сложное, и наладить новый аппарат не так-то легко. К тому же, киевская полиция чуть ли не первый государственный орган в Киеве, который собрал свое общее собрание и выразил готовность верно служить новому строю и поддерживать его и установленный порядок вполне добросовестно. Об этом было в первые же дни революции доведено до сведения Исполнительного комитета. И я поддерживал в комитете мысль о необходимости сохранения полиции такой, какая она есть, с условием постепенной замены некоторых отдельных чинов, относительно которых может явиться сомнение о возможности с их стороны злоупотребления властью для возврата к старому. И если увеличить содержание чинам полиции, обставленным у нас нищенски, они бы с радостью приняли новый строй и были бы верными его слугами.

Но не так думали многие мои товарищи по Комитету, и так как на их стороне оказалось большинство, то

Как и когда организовались Советы?

Когда после мартовской революции 1917 года власть в Петрограде перешла в руки Временного правительства, жизнь не испытала никаких потрясений. Перемена власти произошла совершенно спокойно, и жизнь потекла нормальным порядком, если не считать манифестаций и проявлений бесконечной радости всех без исключения по поводу свержения гнета самодержавия, против которого с таким упорством и настойчивостью боролась революционная демократия России.

Но хотя весь правительственный аппарат продолжал действовать как и раньше, однако, не могло быть полной уверенности в том, что там нет скрытых врагов нового строя, ибо для высшей бюрократии, правившей российской жизнью совершенно бесконтрольно, такая смена правительства, которая произошла в марте, могла показаться и неприемлемой.

С другой стороны, парламентский строй царской России последнего десятилетия осуществлялся в форме нижней палаты — Государственной думы, представительного органа, избранного на далеко не демократической основе, так как Дума в существе была цензовая, и палаты верхней — Государственного совета, одна часть членов которого избиралась населением,

но тоже не на основе всеобщего избирательного права, другая же назначалась царем из числа старых, уходящих в отставку бюрократов и сановников, которые могли быть и были в действительности только тормозом при проведении в жизнь реформ, действительно обновляющих народную жизнь.

Само собою разумеется, что эти органы государственной законодательной власти, — Государственный совет и Государственная дума, — в пору революционную, тогда, когда в сущности рушатся все основы старого строя, не могли быть надежными и истинными выразителями народных чаяний и стремлений и надлежащими сотрудниками новой власти, несмотря даже на то, что сама власть эта в момент революции вышла из недр самой Государственной думы.

И жизнь немедленно подсказала необходимость создания более демократического органа в Петрограде для сотрудничества с Временным правительством и оказания ему действенной помощи в трудном деле строительства новой России, деле до крайности необходимом и вместе с тем весьма сложном и трудном.

Жизнь подсказала форму этого нового органа, и выдвинула Совет рабочих депутатов города Петрограда, который организовался немедленно, по времени даже, пожалуй, несколько раньше, чем само Временное правительство успело сконструироваться.

Членами этого Совета рабочих депутатов явились избранные на случайных митингах представители фабрик и заводов Петрограда и ближайших окрестностей, а также представители революционной демократии, наиболее видные и известные деятели революции, оказавшиеся в то время в Петрограде.

Так организовался Совет рабочих депутатов Петрограда, в президиуме которого оказались члены Государственной думы Чхеидзе, Керенский и др. Из числа

членов этого Совета Керенский вошел во Временное правительство, вошел персонально, и только впоследствии доложил Совету о сделанном им шаге, каковой и был одобрен Советом.

Так было в Петрограде в первые дни Великой мартовской революции.

Что касается провинции, то там тоже с первых же дней организовались Советы рабочих депутатов.

Дело в том, что по получении известий о совершившемся перевороте и будучи неуверенной в прочности его, правительственная власть на местах — губернаторы и иные более мелкие администраторы — просто растерялись и не знали, что им делать. С другой стороны, местные органы общественного самоуправления — городские думы и земские учреждения — существовавшие еще во время царизма, были органами, избранными далеко не на демократической основе. Думы и земства были цензовые организации, с представительством домовладельцев и буржуазии в городах, и крупных собственников, помещиков и промышленников в земствах. Представительство рабочих в городских думах не было совершенно, что же касается представительства крестьян в земствах, то таковое было там очень ограниченным. Само собою разумеется, эти органы общественного самоуправления доверием широких масс населения пользоваться не могли.

И вот растерянность старой правительственной власти с одной стороны, и отсутствие доверия к органам общественного самоуправления с другой, — все это заставило население в первые же дни революции искать такие формы местного управления, которые, с одной стороны обеспечивали большую демократичность этой организации, с другой — могли бы пользоваться доверием широких масс населения.

И вот, в городах (в провинции) начали организоваться также Советы рабочих депутатов, избранные, конечно, не на основе всеобщего прямого, тайного и равного избирательного права, а путем открытых и случайных митингов на фабриках и заводах с привлечением к ним известных политических и революционных деятелей разных оттенков.

Рядом с этими органами рабочего населения страны создавались и другие.

Это были советы солдатских депутатов.

Несколько странным может показаться организация советов солдатских депутатов (разумея под именем солдат и офицеров, так как и офицеры входили в состав этих советов) как органов местной политической власти, ибо армия должна быть вне политики. Но следует помнить, во-первых, что революция произошла в то время, когда значительная часть мужского населения страны была в рядах армии, а кроме того, сдвиг после векового рабства был настолько велик, что многие мерки минувшего времени не могли подойти в данное время к жизни для правильной оценки происходившего.

Так или иначе, советы солдатских депутатов организовывались повсеместно. В некоторых местах солдатские депутаты были выбраны на случайных уличных митингах отдельных групп солдат, в других местах как, например, в войсках Киевского военного округа, на собраниях солдат и офицеров войсковых частей, согласно правилам, указанных в приказе командующего войсками округа в первые же дни революции.

В большинстве мест, но не повсюду, советы солдатских депутатов слились с советами рабочих депутатов и составили, как в Петрограде и других городах, советы рабочих и солдатских депутатов. В других местах, как, например, в Киеве, советы солдатских депутатов

представляли отдельную от совета рабочих депутатов организацию, работавшую, правда, в полном контакте и согласии с последней.

Так организовались советы рабочих и солдатских депутатов на местах.

Были попытки военных властей влить жизнь советов солдатских депутатов в определенное законное русло и регулировать выборы представителей в советы особыми регламентами. Таковы приказы генерала Брусилова, главнокомандующего Юго-Западным фронтом, генерала Алексеева, Верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами, А. Н. Гучкова, военного министра Временного правительства. Но это было безуспешно не только потому, что между этими приказами не было согласованности и они вносили часто только путаницу, но главным образом потому, что жизнь в первое время после революции не могла вложиться ни в какие законные рамки, настолько сложна она была.

Так или иначе, но советы рабочих и солдатских депутатов на местах организовались. В числе местных советов несколько особое место занимал Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Этот совет, кроме регулирования и направления политической и хозяйственной жизни Петрограда и округа, имел и несколько иные, более общие функции органа, консультирующего и содействующего работе Временного правительства.

Такое несколько неожиданное положение Петроградского совета должно было быть изменено, так как он все же являлся органом местным и не отражал чаяний и стремлений всей революционной демократии России.

Поэтому вскоре по сконструировании местных советов явилась мысль созвать съезд представителей советов и создать центральный орган.

В марте месяце был созван в Петрограде первый Съезд Советов и на нем, после долгих и горячих дебатов, организован Центральный исполнительный комитет советов рабочих и солдатских депутатов.

С этого момента роль Петроградского совета как центрального органа была закончена, и таковая, естественно, должна была перейти к Центральному исполнительному комитету.

Но, как увидим дальше, не всегда Петроградский совет ограничивался скромной ролью местного совета, ведающего только местными делами.

У него было стремление играть руководящую роль не только в местных, но и в общегосударственных делах, конкурируя таким образом с Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов рабочих и солдатских депутатов.

Несколько позже советов рабочих депутатов, но тоже в порядке революционной импровизации, организовались сначала местные, а затем областные советы крестьянских депутатов. На созванном съезде делегатов был создан Центральный исполнительный комитет советов крестьянских депутатов, который тоже имел штаб-квартиру в Петрограде, работая отдельно, но в контакте с Центральным исполнительным комитетом советов рабочих и солдатских депутатов.

Так, в процессе развития революции и создания революционной власти, организовались советы, здание которых было увенчано двумя Центральными исполнительными комитетами.

Выборы в эти новые органы не были регламентированы, вследствие чего эти представительные органы нельзя назвать ни истинно демократическими, ни отражавшими вполне волю всего народа российского. Но, во всяком случае, несомненно, что конструкция их была более демократическая, чем конструкция вы-

борных органов, оставшихся новой России в наследство от России царской.

То обстоятельство, что эти первые советы были избраны, хотя и несовершенным порядком, но во время всеобщего подъема и оживления и временного прекращения обычных в России межпартийных дразг и споров, имело большое влияние на сами выборы, и первые советы, в главной массе своей, представляли органы внепартийные и, позволю себе сказать, даже внеклассовые. Последнее утверждение я делаю потому, что и в тех и других, и в рабочих и крестьянских советах, кроме рабочих и крестьян были представители разных партийных организаций, главным образом, из числа принадлежащих к той внеклассовой интеллигенции, которая так горячо боролась с царским правительством за свободу родного народа и которой в то время верили и имели основание верить. Равным образом, включение в советы представителей армии, то есть солдатских депутатов, имело то значение, что придавало советам не столь классовый характер, какой, быть может, кое-кому хотелось придать этим организациям. Ведь какой класс представляют солдаты?

Худо ли, хорошо ли, но эти организации — советы — делали свое дело и временами помогали Временному правительству осуществлять строительство новой жизни.

Правда, вкорененное в нас веками царского произвола недоверие к власти вообще, всякой власти, повело к тому, что эти советы все больше и больше сбивались с пути сотрудничества с революционным Временным правительством, и старались возможно более осуществлять контроль и, таким образом, тормозить работу Временного правительства, а не облегчать и содействовать ей.

Но было и содействие.

Содержание

Об авторе воспоминаний	5
В дни революции	9
1. Годы изгнания. В Швейцарии и Америке. Агония старой власти	11
2. Возвращение в Россию за месяц до революции ...	33
3. Арест. Подготовка к ссылке. Освобождение благодаря революции	41
4. Военный комиссар в Киеве	51
5. Исполнительные комитеты	74
6. Поездки на фронт. Беседы с войсками. Генерал Брусилов. Генерал Каледин	84
7. Командующий войсками Киевского военного округа	106
8. Национализация войск. В частности, украинизация таковых	129
9. Соглашение Временного правительства с Центральной украинской радой	137
10. Большевистская пропаганда среди солдат и рабочих	142

11. Генерал Корнилов и его мятеж	151
12. Развал армии	158
13. Уход с должности командующего войсками	162
14. Делегат от Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов на Копенгагенской конференции	168
15. Заключение. Оценка современного момента	183
Офицеры в русской революции	199
Советы и Советская власть в России	241
Как и когда организовались Советы?	243
Что сделало Временное правительство для введения демократического управления на местах?	250
Кем и как совершен ноябрьский (1917 года) переворот?	258
Как большевики выполнили свои обещания	265
Что такое Советы и Советская власть теперь? Конституция Советов	272
Кто такие «контрреволюционеры» в России?	282
Основные причины неудачи советско-большевистской власти	291
Примечания	302
Именной указатель	312